

**МАТЬ, ЖЕНА, ПОДРУГА:
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ОДНОГО ОБРАЩЕНИЯ**

**М. А. Кронгауз¹, К. С. Клокова²
В. А. Шульгинов¹, Т. А. Юдина²**

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Россия, 119034, Москва, ул. Пречистенка, 12/2

² Московский физико-технический институт,
Россия, 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9
Поступила в редакцию 30.01.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-10

Исследованы семантические и прагматические особенности слова «мать» в позиции обращения. В качестве материала используются случаи вторичного употребления в художественных текстах, созданных в период с 1780-х годов по настоящее время (в выборку вошло 4272 примера), а также словарные определения данного слова. Выявлено, что в зависимости от коммуникативной ситуации обращение «мать» может выражать разнообразные, иногда противоположные свойства, такие как 'покровительственность', 'превосходство', 'зависимость', 'строгость', 'добродушие', 'фамильярность' и другие, а также различные оттенки этих семантических признаков. Метафора семьи при этом распространяется на более широкое социальное пространство и может переносить нас за пределы социума в область абстракций.

Для описания прагматики обращения «мать» предложено использовать кластерную модель Дж. Лакоффа, которая предполагает, что в коммуникации значения могут реализовываться не только отдельно, но и совместно. В отличие от работы Дж. Лакоффа кластерная модель применяется не к идеализированным когнитивным моделям (модель рождения, генетическая модель, модель воспитания и т.д.), а к системе использования слова «мать» в качестве обращения, включающей разнообразные метафорические переносы.

Ключевые слова: русский язык, обращение, термины родства, вторичное употребление, семантика, прагматика, лексикография, кластерная модель

1. Введение

Вежливое коммуникативное поведение предполагает использование говорящим целого набора языковых инструментов, позволяющих обойти «острые углы» вербального общения и обеспечить взаимодействие с минимальной угрозой для самооценки собеседника и его социальной значимости. К таким инструментам относятся коммуникативные стратегии, направленные на избегание потенциально конфликтных ситуаций, а также устойчивые обороты и формулы, конвенционально предписываемые для установления и поддержания контакта между собеседниками. Таким образом, ключевыми признаками вежли-

вого общения являются постоянная ориентация на адресата, учет его прагматических интересов, а также регулярное вербальное подтверждение кооперативной установки говорящего.

Основным способом обозначения собеседника в коммуникации являются обращения, которые выполняют сразу несколько прагматических функций. Наиболее важные из них — привлечение внимания адресата, указание на его социальную роль и маркирование динамики взаимоотношений в процессе общения (Арутюнова, 1977; Стернин, 1996; Балакай, 2005). Дополнительное семантическое и социокультурное измерение обращения приобретают в случае, если в этой позиции используются термины родства во вторичной функции, когда говорящий и адресат не состоят в родственных отношениях друг с другом. Такое употребление терминов родства может быть следствием как постепенной десемантизации рассматриваемой лексической группы, так и усиления отдельных социальных ролей в семье и их метафорической проекции на общество в целом.

Наше исследование посвящено описанию употребления слова *мать* в функции обращения. Стоит отметить, что эта статья продолжает ряд публикаций, посвященных специфике употребления в речевом взаимодействии терминов родства со значением «родитель женского пола», в рамках которого было дано описание слов *мамочка* и *матушка* (Кронгауз, Клокова, Шульгинов, Юдина, 2023; Кронгауз, 2023). Номинация *мать* представляет ядро изучаемой группы и, в отличие от аппелятивных и экспрессивных *мамочка* / *матушка*, гораздо в меньшей степени подвержена трансформации своего семантического содержания. Слова этой относительно большой лексико-семантической группы конкурируют друг с другом, их отношения динамичны и значительно меняются со временем. В (Григорьева, 2024) показано, как *мама* постепенно вытесняет *мать* в сфере семейного (*моя мама*) и несемейного общения (*ее мама*, *ваша мама* и под.).

Архетипичность лексемы *мать* утверждается и на уровне анализа словарных дефиниций. Так, например, в словаре русского языка XI—XVII веков словарное определение в первом значении состоит только из одного слова — *мать*, отражая, таким образом, семантическую предельность этого слова. Рассмотрим подробнее словарные определения слова *мать*.

2. *Мать* в словарях

К семантическому ядру слова *мать* мы относим те словарные толкования, которые отражают статус женщины по отношению к родному ребенку. В первую очередь в этой группе выявляется наиболее очевидное значение «женщина по отношению к своим детям»: по существу, *мать* в этом значении является словом-отношением, связывающим ближайших родственников, и имеет обязательную семантическую валентность на родного ребенка. Однако эта валентность может и не проявляться, и тогда мы говорим о признаке женщины, хотя бы однажды

ставшей матерью (родившей, удочерившей, воспитавшей и т.д.), см.: (Словарь Академии Российской; Толковый словарь русского языка (далее – словарь Ушакова); Морковкин, Богачева, Луцкая, 2016 (далее – БУСРЯ)).

Значение слова *мать* может реализовываться в референтном употреблении или в качестве обращения. Практически любое значение, характеризующее референтное употребление, может быть приспособлено и к обращению, то есть семантические признаки трансформируются в прагматические; при этом обратное же неверно (например, *мать* по отношению к подруге возможно как обращение, но невозможно в референтном употреблении)².

Однако есть и несколько исключений. Например, когда идея материнства распространяется на животный мир, то есть лексема *мать* употребляется для обозначения самки животного по отношению к своим детенышам (Словарь русского языка XVIII века; словарь Ушакова; Словарь русского языка (далее – словарь Евгеньевой); словарь Кузнецова). Такое употребление может быть только референтным, поскольку животные безгласны и не способны обращаться друг к другу³.

Вторым исключением оказываются переносные значения, когда слово *мать* называет некоторые абстракции со значением «источник, причина». Уже в Словаре Академии Российской XVIII века в качестве второго значения слова *мать* указывается «источник, причина» (например, «праздность есть мать всех пороков»), близкое значение встречается и в словаре Ушакова (1940) («то, что является источником, давшим жизнь кому-чему-н., откуда черпают силу, энергию, жизненность»), а также в БУСРЯ (2022). В этом случае значение источника связывает безгласные абстракции – очевидно, что пороки не могут обратиться к праздности.

Однако обращения к некоторым абстрактным понятиям все же возможны. В народно-поэтическом употреблении лексема *мать* может связывать человека с *землей*, *Родиной* и подобным на основе близости и эмоциональной привязанности. Таким образом, метафора семьи распространяется на отношения человека с окружающим его миром (словарь Кузнецова, БУСРЯ), и в этом случае человек может обратиться к земле или Родине с помощью слова *мать*.

Еще одним признаком, лежащим в основе переноса, становится высокий статус матери и ее роль покровителя в семейном кругу. На основании этого аспекта лексема *мать* распространяется на женщин в сакральном пространстве монастыря и может употребляться в качестве номинации настоятельницы (Словарь церковно-славянского и русского языка (далее – словарь ЦСРЯ); Даль, 1911 (далее – словарь Даля)), монахини (словарь Евгеньевой) или жены духовного лица (словарь Кузнецова, словарь Евгеньевой). Необходимо отметить, что такое ис-

² Обращение отсылает нас к собеседнику, а референтное употребление – к третьему лицу.

³ Такое возможно только в сказке, и там как раз детеныш может использовать это слово, обращаясь к матери.

пользование лексемы *мать* может встречаться как в референтном употреблении, так и в качестве обращения: например, в Толковом словаре Ушакова отмечается именно такое употребление: «обращение, присоединяемого к имени или званию монахини (церк.)».

Словарные значения лексемы *мать*, непосредственно включающие сему 'обращение', в большинстве случаев характеризуются сниженным характером (используются пометы «просторечное» (6 словарей), «фамильярное» (2 словаря), а также вариативностью в характеристике адресата, которая заметно отличается от словаря к словарю. Самое широкое представление об адресате встречается в словаре Евгеньевой, в котором представлено отдельное значение — «обращение к лицу женского пола». В словаре ЦСиРЯ появляется сема, указывающая на близкие отношения между собеседниками («дружеское название женщины»), отчасти идея дружеского общения отражается в помете «фамильярно-ласковое» в Словаре русского языка XVIII в., с «оттенком фамильярного» в БУСРЯ.

В качестве дополнительного семантического признака выделяется указание на преклонный возраст женщины: например, «дружески, всякая женщина в годах чувствуется матерью» (словарь Даля), «обращение к пожилой женщине» (словарь Ушакова). Кроме того, в ряде словарей (Ожегов, Шведова, 1997 (далее — словарь Ожегова и Шведовой); словарь Кузнецова; БУСРЯ) указывается, что в роли адресата может выступать жена, при этом наличие общих детей, по всей видимости, не является определяющим фактором.

Несколько особняком стоит «Словарь русского речевого этикета» (Балакай, 2001), ориентированный исключительно на обращение и представляющий лексему *мать* в этой роли наиболее подробно. Он приводит всего три основных значения, но интерес представляют как разнообразные оттенки значений, так и сами формулировки толкований. Так, основные значения описаны следующим образом:

1. Разг. Обращение взрослого сына к матери. Малоупотребительное, граничит с невежливостью. Употр. обычно в серьезном разговоре нередко с оттенком отстранения или в эмоциональной речи в конфликтной ситуации.
2. Прост. Обращ. мужа к жене (обычно, когда в семье уже есть дети).
3. Прост. Доброжелат. обращ. к знакомой женщине (подруге, соседке и т. п.).

Среди оттенков третьего значения присутствуют и такие:

- || Прост. | Приветливо-фамильярное обращ. младшего по возрасту к незнакомой женщине, равной или низшей по положению.
- | Разг. Шутл. молодежн. обращ. к девушке-подруге⁴.

Обращает на себя внимание выделение гендерных и возрастных характеристик говорящего в первом значении, отсутствующих в других словарях. А. Г. Балакай пишет о том, что это обращение характерно ис-

⁴ Смысловые оттенки в (Балакай, 2001) отделяются двумя параллельными чертами — ||. Оттенки употребления отделяются одной чертой — |.

ключительно для взрослых сыновей, а также что оно граничит с невежливостью. Иначе говоря, А.Г. Балакай подразумевает, что в семейном общении нейтральным оказывается обращение *мама*, а обращение *мать* связано с дополнительными характеристиками говорящего и ситуацией в целом. Интерес представляет и оттенок третьего значения, поскольку в нем эксплицитно обозначены возрастной разрыв между говорящим и женщиной-адресатом, а также разрыв в их статусах. Нужно отметить и некую странность, заключающуюся в противоречии оттенка и основного значения (знакомый — незнакомый). Важным следует считать и выделение «оттенка употребления» *молодежное обращение к девушке-подруге*, где говорящий и адресат характеризуются по возрасту, а их отношения оцениваются как близкие. Профильный словарь А.Г. Балакай оказывается во многом более подробным и конкретным, чем общие толковые словари, то есть вводит новую и более конкретную информацию, характеризующую ситуацию общения, говорящего и адресата. Эти уточнения отражают нашу интуицию, но, несомненно, заслуживают тщательной проверки количественными методами.

Принципиально иной подход предлагает Дж. Лакофф, когда анализирует английское слово *mother* (Лакофф, 2004, с. 107–110). В главе 4 «Идеализированные когнитивные модели» Дж. Лакофф рассматривает концепт *мать* как кластерную когнитивную модель. Он утверждает, что ни одно традиционное употребление (типа «женщина, которая дала рождение ребенку») не покрывает всех случаев использования слова и потому описывает их с помощью кластерной модели, то есть объединения таких моделей, как модель рождения, генетическая модель, модель воспитания, супружеская модель, генеалогическая модель и, возможно, некоторых других. Они могут совпадать, то есть одна и та же женщина может быть матерью во всех этих смыслах. Но также они могут и расходиться, и описываться такими словами, как *мачеха*, суррогатная мать, *приемная мать*, *кормилица*, *биологическая мать* и т.п. Дж. Лакофф утверждает, что и в случае метафорического переноса не существует единственной привилегированной модели, на которой этот перенос базируется. К этой идее мы еще вернемся.

3. Методика сбора данных и статистические характеристики

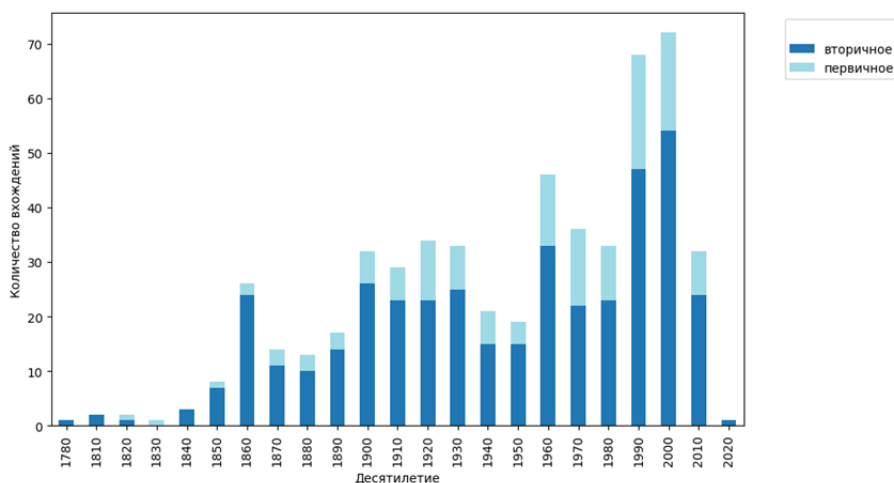
В качестве материала для исследования были использованы примеры из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). На 04.01.2024 в НКРЯ содержалось 81715 вхождений слова *мать*. В связи с тем, что в корпусе существует ограничение на 5000 скачиваемых примеров, на начальной стадии подготовки данных мы выбрали только те вхождения, которые были заключены между какими-либо знаками препинания. В результате в выборку вошло 4272 примера (2318 документов).

На следующем этапе примеры вхождений были обработаны автоматическим методом. В рамках этой обработки были отфильтрованы вхождения, заключенные между запятой и такими знаками препина-

ния, как запятая, точка, восклицательный и вопросительный знаки. Проведенная предобработка данных позволила выявить примеры, которые наиболее вероятно являлись обращениями.

На заключительном этапе обработки данных были исключены вхождения, не являвшиеся обращениями, которые не удалось определить автоматическим способом на предыдущем шаге. Таким образом, итоговое количество примеров употреблений слова *мать* в позиции обращения составило 1008 вхождений. На графике представлено распределение по десятилетиям вхождений обращений (в первичном и вторичном употреблении) в размеченной выборке.

Распределение количества вхождений обращения «мать» в первичной и вторичной функции по десятилетиям в размеченной выборке

3. Семантические и прагматические типы обращения *мать*

3.1. Родительница-отношение

В большинстве размеченных примеров слово *мать* используется в своем первичном значении («женщина по отношению к своим детям»), то есть направлено от ребенка к родительнице. Это обращение используется как мужчинами, так и женщинами по отношению к собственной матери, однако в размеченной нами выборке в большинстве случаев употреблялось мужчинами (245 против 36).

(1) *Сын растроганно шепнул на прощание: – Какая ты человеческая, мать.* [Любовь Кабо. ...И не забывай, что я тебя люблю (1987)]

(2) *Ах ты, Боже мой, подумала Тамара, там ведь где-то лежат и детские игрушки дочери, и надо бы их тоже достать, вдруг что-то пригодится уже внучке. Хотя дочь сказала ей сразу: «Только, мать, без разных окаменелостей. Динка будет играть в игрушки своего времени».* [Галина Щербакова. ...Все это следует шить (2001)]

Возвращаясь к определению А.Г. Балакая, можно сказать, что характеристика говорящего как взрослого сына в целом отражает статистическую тенденцию, но абсолютного ограничения на использование слова *мать* дочерьми не существует.

Примечательно, что также встречаются случаи самореференции и цитирования своих детей:

(3) *Милый мальчишеский мир, само прикосновение к которому заставляет беспричинно смеяться... И вдруг – о, ужас! – страдания, и нешуточные; ты, мать, к этому не готова вовсе.* [Любовь Кабо. ...И не забывай, что я тебя люблю (1987)]

(4) *Молодость своего требует! – всхлипывала Люська, когда разговор заходил о сыне. – Звонил вчера. Говорит, опять с черным подрался. Но, говорит, я им не спускаю. Ты, говорит, мать, меня не узнаешь!* [Ирина Муравьева. Документальные съемки (1997–1998)]

В некоторых случаях метафора материнства распространяется и на семейное обращение к теще (по аналогии с обращением *мамочка* к свекрови (Кронгауз, Клокова, Шульгинов, Юдина, 2023)). Примеров обращения *мать* к свекрови (от лица женщины) в корпусе не обнаружено, что согласуется с представленной выше статистической тенденцией, то есть к употреблению слова *мать* тяготеют в большей степени мужчины, чем женщины.

(5) – *Хлеб будешь печь? – Будем печь, – ответил Костя. – Да его чуть не каждый день возят. – Наш будет лучше и дешевле, – объяснил Костя и повторил, с чего начал: – Не забивай себе голову, мать. Я уж сам разберусь. На том и кончили разговор. Со старой матерью, с бабкой Макуней, говорить было без толку, она лишь отзывалась эхом.* [Борис Екимов. В степи (1998)]

3.2. Жена

Вторым по количеству вхождений в нашу выборку является употребление слова *мать* мужчиной по отношению к своей жене. Как отмечалось в (Бурас, Кронгауз, 2013), такой прагматический сдвиг характерен для русского семейного этикета, особенно когда у пары есть дети (вне зависимости от того, являлись ли они маленькими, уже взрослыми или их уже нет в живых). Пример (6) иллюстрирует ситуацию использования такого обращения, когда ребенок пары уже взрослый:

(6) *Мать говорит отцу: – Кажется, у нас скоро будет маленький ребенок. – Ты что, мать, на старости лет с ума сошла? – Я – нет! Ты посмотри на нашу тринадцатилетнюю дочь. (Из правдивых историй)* [Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№1–500) (1999)]

К этой группе относятся обращения священнослужителя к своей жене, хотя в этом случае сложно однозначно разделить семейное общение и номинацию женщин, характерную для церковного дискурса:

(7) Попадья отступила от двери и заняла позицию на диване. Через минуту дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо отца Федора, на котором играл девичий румянец. – Дай мне, **мать**, ножницы поскорее, – быстро проговорил отец Федор. – А ужин как же? – Ладно. Потом. [Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев (1927)]

3.3. Родительница-признак

Еще одним типичным случаем вторичного употребления лексемы *мать* вне семейного контекста является обращение к женщине с ребенком. Как и в случае с прямым обращением, возраст ребенка является второстепенным фактором. При этом возраст женщины или степень знакомства с ней также не кажутся определяющими, а обращение используется для выражения значения «женщина, имеющая детей». Тем не менее стоит отметить, что часто такое обращение можно встретить в покровительственном контексте, когда говорящий характеризуется более высоким статусом.

(8) А Лидия Николаевна и взвилась. «Я, – говорит, – никому ничего не должна, а таким, как вы, тем более. Вы, – говорит, – наплодите безотцовщины, они и сами никакому воспитанию не поддаются и приличных детей нам портят. Вы, **мать**, не можете с ним управиться, а мы тоже не обязаны мучиться да к каждому байстрючонку ключи особые подбирать». [М.Л. Халфина. Безотцовщина (1967)]

(9) Мне есть резон темнить, а тебе, **мать**, темнить нечего... Ты не военнопленная, могла бы и объявиться, а мне понятнее станет, куда нынче немец достиг... Повернулся ко мне. – А ты, оголец, как сюда залетел? [Федор Шахмагонов, Евгений Зотов. Гость (1977)]

К этой категории также можно отнести некоторые обращения в религиозном контексте, в случае обращения сверху вниз, например от представителя церкви к прихожанке:

(10) Вот что сказал святой плачущей жене в древние времена. Был же он великий святой и неправды ей поведать не мог. Посему знай и ты, **мать**, что и твой младенец наверно теперь предстоит пред престолом господним, и радуется, и веселится, и о тебе бога молит. А потому ты не плачь, но радуйся. Женщина слушала его, подпирая рукой щеку и потупившись. Она глубоко вздохнула. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

3.4. Покровительница

Слово *мать* встречается в обращениях, адресованных женщинам, которые характеризуются высоким статусом и выполняют роль покровительниц по отношению к говорящему. В размеченной выборке встретилось три случая подобного обращения к представительницам дворянства от простых людей, например:

(11) – *Что ж, мощи новые? – спросил князь Андрей. – Полно, Андрей, – сказала княжна Марья. – Не рассказывай, Пелагеюшка. – Ни... что ты, мать, отчего не рассказывать? Я его люблю. Он добрый, Богом взысканный, он мне, благодетель, рублей дал, я помню. Как была я в Киеве и говорит мне Кириуша юродивый – истинно Божий человек, зиму и лето босой ходит.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867–1869)]

Эти примеры относятся к произведениям XIX века и содержат отсылки к сословной иерархии, неактуальной для более позднего времени. Однако существуют и более поздние примеры, где идея покровительства выражена менее ярко и эксплицитно. Это могут быть отношения разного рода зависимости (например, жильцы и хозяйка квартиры), побуждающие к заискиванию или самопринижению. Часто в этих случаях используется усиленное обращение *мать родная*:

(12) – *Молодец! Хозяйственная ты у нас! Кормилица! Мать родная! – стали заискивать перед ней соседи по коммуналке. Зухра прошла на кухню и с размаху плюхнулась на стул, который тут же покосился и заскрипел. Батыр засуетился: достал еще одну стопку, вскрыл свежую бутылку и быстро налил всем водки. Все молча и не чокаясь выпили.* [И.М. Косых. Нелегалы (2011)]

Идея покровительства сохраняется и в религиозном контексте, например при обращении к Богородице (13).

(13) – *Вот еще наказание. Говорил – сиди дома. Куда нечистый в омут головой понес? Ой, мать, пресвятая богородица, и чем это они, окаянные, только лестницу поливают? Начал по дверям считать, поскользнулся и спутался. Вот и разбирайся теперь, сколько этажей прошли...* [П.С. Романов. В темноте (1923)]

3.5. Источник жизни или силы

Метафора материнства в использовании слова *мать* также распространяется на государство, родину, родную землю и в некоторых случаях даже кровь (14). В рамках данного исследования мы сознательно не включали в выборку составные номинации вроде частотных *Родина-мать*, *Волга-мать*, *Россия-мать* и т.п., однако это значение довольно распространено и среди односоставных номинаций. Обращаясь таким образом к абстрактной сущности, говорящий подчеркивает ее статус и характеризует как источник жизни, метафорическую *мать*.

(14) *То и были Воры – село, давшее жизнь солдату, самая родная точка на земле. «Ах, Воры-Воры, мать, воровская милая земля! Все, что было, все прах и сон, а ты единственная явь, незбылемо стоящая от века».* [Л.М. Леонов. Барсуки (1924)]

(15) *Опричники отошли. Мельник нагнулся над Вяземским, перевязал ему раны, прочитал «Отче наш», положил руку на голову князя и начал шептать: – «Ехал человек стар, конь под ним кар, по ристаням, по дорогам, по притонным местам. Ты, мать, руда жильная, жильная, телесная, остановись, назад воротись. Стар человек тебя запирает, на покой согревает. Как коню его воды не стало, так бы тебя, руда-мать, не бывало. Пух земля, одна семья, будь по-моему!* [А.К. Толстой. Князь Серебряный (1861–1863)]

3.6. Пожилая женщина

Просторечное обращение *мать* к пожилой женщине, вне зависимости от степени знакомства, чаще всего используется, когда говорящий занимает более высокую позицию, в том числе благодаря возрасту — он моложе, сильнее, эффективнее. Таким образом выражается определенная покровительственность, иногда переходящая в снисходительность.

(16) *Третью беду сказывай. — Да нет ее, третьей. Вот и все они, корова да муж. — Ну и бедна ж ты бедами, мать! Гляди, как Бог тебя милует. Днем с огнем таких поискать. Две беды горести у бедной головушки, а и одна — жалостливый муж.* [Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

Интересны случаи переноса такого обращения на неживые объекты.

(17) *Был и без того дом тот в дряхлости своей столетней крепок, как старый николаевский солдат. Правым боком каменного своего тулова чуть всего Щукина не перегородил. Левым — подпирает тощую, древнюю церквушку, осеняющую Мокрый. Не дает ей упасть и рассыпаться в легкий ладанный пепелок. «Обопрись, мать, на мою каменную грудь. Крепкая, выдержит» — такое, кажется, говорит старый сей солдат притихшей старушке, напуганной гомоном возрастающей жизни.* [Л.М. Леонов. Барсуки (1924)]

В размеченной выборке мы не обнаружили примеров такого употребления в ситуациях, когда говорящим является ребенок или подросток — все говорящие были взрослыми. Это связано с тем, что ребенку трудно встать в позицию покровителя. Стоит отметить, что это обращение также сигнализирует о стремительном сокращении дистанции между собеседниками, которое может быть отвергнуто адресатом.

(18) *Дверь приоткрылась. В коридорчике, загораживая собой проход, с ребенком на руках стояла маленькая женщина лет шестидесяти пяти. Старлею ее седая с редкими волосами макушка приходилась на уровень носа. Сзади из комнаты, из-за занавесок выглядывали еще два любопытных детских личика. — Здорово, мать, узнаешь? — Мне с тобой детей не крестить, чего мне тебя узнавать? Мать нашел!* [Виктор Ремизов. Воля вольная (2013)]

Этот тип интересно сравнить с уже рассмотренным выше типом «Покровительница», поскольку они в каком-то смысле противопоставлены друг другу: в одном идея покровительства приписывается женщине-адресату, а говорящий зависит от нее, а в другом функцию покровителя берет на себя говорящий. Это распределение отражает разные роли матери в семье: в первом случае это похоже на отношения ребенка с матерью, главой семьи, у которой ребенок ищет защиту, во втором же случае это напоминает отношение взрослого человека к его состарившейся матери, нуждающейся в поддержке и защите.

3.7. Приятельница или соратница

Эта категория обращений включает в себя случаи, в которых не актуализируются типичные представления о матери, то есть происходит семантическое опустошение слова *мать* в функции обращения. Прототипическим является использование обращения к женщине, с которой говорящий состоит в дружеских, приятельских отношениях или связан общей деятельностью. Таким образом, от основного значения сохраняется лишь идея гендера, а также близости и теплых отношений.

(19) *На другом конце стола составила еще партия: обе Маши, Варварушка и швейка Марфа Петровна, которую разбудили нарочно для игры в короли, и лицо у нее было заспанное, злое. Во время игры разговор шел о мужчинах, о том, как трудно теперь выйти за хорошего человека, и о том, какая доля лучше – девичья или вдовья. – Девка ты красивая, здоровая, крепкая, – сказала Жужелица Анне Акимовне. – Только я никак не пойму, **мать**, для кого ты себя бережешь.* [А.П. Чехов. *Бабые царство* (1894)]

(20) *Шальная от удач Рита бегала туда по две-три ночи в неделю: почернела, осунулась. Женька укоризненно шипела в ухо: – Зарвалась ты, **мать**! Налетишь на патруль, либо командир какой заинтересуется – и сгоришь. – Молчи, Женька, я везучая!* [Борис Васильев. *А зори здесь тихие* (1969)]

(21) – *Это я, – сказала Натка. А голос вроде знакомый. Заиграл мускулами голос, погрозил кулаком и стал знакомым-знакомым: – Ну, ты, **мать**, подлая! Так ты, **мать**, друзей встречаешь! Я волок на себе тридцать чемоданов, двадцать корзин, десять коробок, два огромных арбуза и одну неподъемную передачу!* [Светлана Василенко. *Звонкое имя* (1997–2000)]

Тип обращений в ситуациях общей деятельности может сопровождаться менее близкими отношениями собеседников, вплоть до употреблений между незнакомцами. Пример (22) иллюстрирует обращение от одной заключенной к другой; (23) – обращение к женщине от другой во время ожидания своих солдат из военного лагеря.

(22) *Конечно, коли перед начальством фордыбачить не будешь, покоришься. Молодая горько улыбнулась. – Нет, уж лучше смерть... – прошептала она. – Э, **мать**, не нами начато это, не нами и кончится. Бабам везде одна планида! – заключила старуха, зевая и торопливо крестя открытый рот.* [Н.Э. Гейнце. *В тине адвокатуры* (1893)]

(23) *А поляна между тем, не зная обо всех этих размышлениях более поздних лет, жила своей жизнью. Вот этими приборами и отливками надежды, этим немногословным сочувствием, когда встанет какая-нибудь с глубоким вздохом, скажет, отряхивая подол: – Ну все, однако! Прощайте, родимые, подай вам бог.. – И ты прощай, **мать**. – Господи, прибежит, может, подумать не могу... – Ну, и сидела бы. Харчей, что ли, нет? Как-нибудь.* [Любовь Кабо. ...И не забывай, что я тебя люблю (1987)]

Еще большее расширение допускается в обращении к любой незнакомой женщине, что создает особый эффект, который мы обозначим как «панибратство».

(24) *Я не успела взойти на маленькое возвышение, как в бледном свете показались две мужские фигуры. – Ребята, мужская – рядом, направо – сказала я. – А, ладно, **мать!** – отозвались они. Но вместо того, чтобы повернуть туда, они вбежали ко мне, вырвали из рук мой карманный фонарик, палку, сорвали очки, бросили их на каменный пол и, подняв платье, стали молча по мне шарить – четьрьмя руками. Почему я не испугалась? Потому ли, что 10 лет в лагере провела в их и их подруг обществе? Но я не сразу поняла, что они ищут деньги. [А.И. Цветаева. Грабители (1990)]*

(25) *Мария подтвердила: – Очень. Абросов с уважением заметил: – Полсотни километров с гаком ты, **мать**, как танк, оттопала... Догадываешься, сколько тебе осталось? – Как не догадываться; знаю, – всхлинула Мария, – от Острова я все знаю. Отсюда мне до дому все шестьдесят километров без малого. [Андрей Дмитриев. Дорога обратно (2001)]*

В нашей выборке также было обнаружено два употребления слова *мать*, использованных в разговоре мужчин, которые в принципе можно интерпретировать как обращение.

(26) – ...да ты художник, что ли? Не знаешь, кому подражать! – Да ну, **мать**. Нас окружает мир, не только питанием живем! Надо же разобраться, для себя хотя. – Нет у нас школы, вот и все разбрелась! [В.В. Лопатин. Кич (2014)]

(27) – Ну ее, – сказал Гутэнтак, – ну их всех. Пошли отсюда. Побежали, **мать!** Они отбежали метров на пятьдесят, остановились, начали гоняться за воробьями и задиристо пинать тополиный ствол. Словно маленькие. [Александр Силаев. Армия Гутэнтака (2007)]

Однако их использование принципиально отличается от гендерных сдвигов в обращениях *мамочка* и *матушка* (Кронгауз, Клокова, Шульгинов, Юдина, 2023; Кронгауз, 2023). Они относятся к современной речи и характеризуются скорее агрессивной экспрессивностью, чем ласковостью и душевностью. Использование такого обращения к мужчине противоречит авторской языковой интуиции. В силу названных причин предлагается рассматривать эти употребления как эмоциональные вводные слова, в частности как редуцированное матерное выражение.

4. Заключение

Итак, первичным типом употребления следует признать обращение ребенка (возможно, уже взрослого) по отношению к своей матери. Можно говорить об определенной гендерной тенденции – говорящий с большой долей вероятности является мужчиной. Для женщин и детей более характерно использование других обращений.

Это употребление может абстрагироваться и стать основой для обращения к любой женщине, имеющей ребенка (родительница как при-

знак). Таким образом, слово *мать* перестает быть обозначением отношений между говорящим и адресатом, а показывает лишь статус женщины. Этот тип реализуется и в семейном общении, когда муж регулярно обращается к жене с помощью слова *мать*. При этом дети могут вырасти и покинуть родительский дом, а в предельном случае детей может быть вообще не быть, то есть жена понимается как потенциальная мать.

На роли женщины в семье в разные периоды основаны разные типы отношений. Так, отношения ребенка к своей матери метафоризируются в обращении к женщине-покровительнице, а отношения взрослого человека к состарившейся матери — в обращении к пожилой, незнакомой женщине с идеей покровительства, иногда переходящей в снисходительность. В этих случаях можно говорить о приложении метафоры семьи к более широкому социальному пространству. Метафора может переносить нас и за пределы социума в область абстракций, где возникает регулярное обращение к земле, родине и т. п. как метафорической матери, источнику жизни или сил. Значительно реже метафоризируется и другой тип отношения к матери, когда нечто близкое (например, родной дом) требует защиты и покровительства.

Наконец, максимально удаленным от первичного типа следует считать обращение *мать* к приятельнице или соратнице, в предельном случае распространяющееся и на весь социум, то есть обратиться таким образом можно к любой женщине. Впрочем, основой для такого обращения можно считать не только этот тип, но и тип родительницы как признака и тип пожилой женщины.

А теперь вернемся к теоретическому аппарату Дж. Лакоффа. При этом мы не имеем в виду буквальное расщепление первичного значения, поскольку это практически не отражено в представленных примерах. Надо сказать, что Дж. Лакоффа вообще не слишком интересовала реальная коммуникация. Он не опирается на существующие примеры употребления, а конструирует свои, которые иллюстрируют его семантические построения. Мы же пытаемся применить кластерную модель к зафиксированным примерам употребления обращения *мать*, то есть с ее помощью описать разнообразие употреблений. Важно, однако, понять и показать, что кластерная модель работает и в случае выделенных нами выше типов употребления.

Главная проблема нашего материала состоит в том, что мы не всегда можем понять, каким именно значением описывается то или иное употребление. Например, имеет ли адресат обращения ребенка или является ли она знакомой говорящего и т. п. Более того, сам говорящий может не учитывать все эти факторы, так как для использования обращения достаточно любого из них. Впрочем, выделенный фактор может и сочетаться с другими, что затрудняет их раздельное рассмотрение. Механизм использования обращения *мать* предлагается описывать как кластерный, который может реализовать отдельные модели в конкретной коммуникации и раздельно, и совместно. Так, например, услышав *Ну, ты, мать, совсем сошла с ума*, мы, скорее всего, интерпретируем это с

помощью типа «приятельница». Но если далее последует продолжение *Нельзя кормить ребенка одними бутербродами*, оно актуализирует идею «родительницы».

Рассмотрим и другие примеры с неочевидной интерпретацией. Так, пример (28) можно истолковать двояко. Это может быть обращение к носящей ребенка будущей жене, а может — фамильярное обращение к подруге. И этот выбор неочевиден не только для читателя, но и, возможно, для самого говорящего, который может одновременно реализовывать разные модели.

(28) *Вцепился рукой, прижал ее к себе. Другой рукой нащупал ее руку и так замер. — Что, Сань? — спросила Маша тихо спустя некоторое время. — Ты даже не представляешь себе, мать, какой я говнюк! — Да ладно, что с тобой?* [Виктор Ремизов. *Воля вольная* (2013)]

Приведем еще один пример:

(29) *Вон и желтые домики заставы, за ними — даль. — Гляди, какие... рязанские! — показывает на богомолка Горкин. — А ушками-то позадь — смоленские. А то тамбовки, ноги кувалдами... Сдалече, мать? — Дальние, отец... рязанские мы, стаянные... — поет старушка. — Московский сам-то? Внучек тебе-то паренек? Картузик какой хороший... почему такой?* [И. С. Шмелев. *Богомолье* (1930—1931)]

Здесь мужчина по фамилии Горкин, участвующий в паломничестве, обращается к одной из незнакомых богомолок. В этой ситуации возможны несколько интерпретаций: одна связана с возрастом женщин, другая — с общим делом, в котором они участвуют (соратница).

Кластерная модель позволяет решить все описанные проблемы, то есть избежать выбора между этими типами и признать возможность их совместной реализации. В этом и заключается ее преимущество перед традиционными описаниями, когда разные значения слова несовместимы друг с другом и всегда реализуются отдельно.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-18-00238 «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе», <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Номинация и текст (Номинация — обращение) // *Языковая номинация. Виды наименований*. М., 1977. С. 340—344.

Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантический и лексикографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.

Балакай А. Г. *Словарь русского речевого этикета*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Бурас М. М., Кронгауз М. А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 121—131.

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка* : в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. ; изд. под ред. [и с предисл.] И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М., 1911. Т. 4.

Григорьева Т.М. МАТЬ и МАМА: история словоупотребления // Тезисы докладов VII Международной конференции «Культура русской речи» (Гротовские чтения) Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 5–7 марта 2024. М., 2024. С. 49–50.

Кронгауз М.А. Семантические и прагматические переоплощения слова «матушка» // Русский язык за рубежом. 2023. №5. С. 48–56. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.007>.

Кронгауз М.А., Клокова К.С., Шульгинов В.А., Юдина Т.А. Трансформация семантики мамочки: от жены до пушки // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 105–124. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-6>.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М., 2016.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.01.2024).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М., 1997.

Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4.

Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1789–1794.

Словарь Кузнецова – Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Ин-т лингв. исслед. РАН ; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю.С. Соколин. Л., 1984–1991. Вып. 1–6 ; СПб., 1992–2011. Вып. 7–19.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб., 1847. Т. 1.

Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М., 1940. Т. 4.

Об авторах

Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-2956-0565

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Ксения Сергеевна Клокова, младший научный сотрудник, Московский физико-технический институт, Долгопрудный, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6650-1946

E-mail: klokova.ks@mipt.ru

Валерий Александрович Шульгинов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-2217-3677

E-mail: vshulginov@hse.ru

Татьяна Александровна Юдина, младший научный сотрудник, Московский физико-технический институт, Долгопрудный, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6631-2128

E-mail: yudina.tatiana.a@mipt.ru

Для цитирования:

Кронгауз М. А., Клокова К. С., Шульгинов В. А., Юдина Т. А. Мать, жена, подруга: семантика и прагматика одного обращения // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №3. С. 172–189. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-10.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

‘MOTHER’, ‘WIFE’ AND ‘FRIEND’:
SEMANTICS AND PRAGMATICS OF AN ADDRESS

M. A. Krongauz¹, K. S. Klokova², V. A. Shulginov¹, T. A. Yudina²

¹ Pushkin State Institute of Russian Language,
12/2 Prechistenka St, Moscow, 119034, Russia

² Moscow Institute of Physics and Technology,
9 Institutski Ln., Dolgoprudny, Moscow Oblast, 141701, Russia

Submitted on 30.01.2024

Accepted on 15.04.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-10

This article explores the semantic and pragmatic features of the word 'mother' when used as a term of address. It examines secondary uses of the term in literary texts from the 1780s to the present, a sample of 4,272 tokens, alongside dictionary definitions. The study revealed that, in different communicative situations, the term 'mother' can convey a range of sometimes contradictory attributes such as 'patronage', 'superiority', 'dependency', 'strictness', 'kindness', 'overfamiliarity' and other nuanced semantic traits. The metaphor of family is extended into a broader social context and can transcend societal boundaries to enter the realm of abstraction.

The cluster model by George Lakoff, which allows for the coexistence of transfer models in secondary usage, is suggested as a tool to describe the pragmatics of addressing a person as a 'mother'. However, unlike Lakoff's works, this study applies the cluster model not to idealised cognitive models – those of birth, genetics, upbringing, and others – but a system of the usage of the word 'mother' as a term of address encompassing diverse metaphorical transfer.

Keywords: Russian language, address, kinship terms, secondary usage, semantics, pragmatics, lexicography, cluster model

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation within Project No. 23-18-00238 “Linguistic Mechanisms of Social Interaction: Politeness in Lexis and Discourse”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

References

Arutyunova, N.D., 1977. Nomination and text. (Nomination – address). In: *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovanii* [Language nomination. Types of naming], pp. 340–344 (in Russ.).

Balakai, A.G., 2001. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Balakai, A.A., 2005. *Etiketnye obrashcheniya: funktsional'no-semanticheskii i leksikograficheskie aspekty* [Etiquette addresses: functional-semantic and lexicographical aspects]. PhD dissertation. Moscow (in Russ.).

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A – Ya [Big explanatory dictionary of the Russian language: A-Ya]. 1998. S.A. Kuznetsov (ed.). St. Petersburg (in Russ.).

Buras, M.M. and Krongauz, M.A., 2013. Terms of address in Russian family etiquette: Semantics and pragmatics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 121 – 131 (in Russ.).

Dal, V.I., 1911. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Vol. 4. 3d ed. St. Petersburg; Moscow (in Russ.).

Evgen'eva, A.P., 1984. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Grigorieva, T.M., 2024. Mother and Mama: the history of word usage. In: *Tezisy dokladov VII Mezhdunarodnoi konferentsii «Kul'tura russkoi rechi» (Grotovskie chteniya)* [Theses of reports of the VII International Conference “Culture of Russian Speech” (Grotov Readings)]. 5–7 March 2024. Moscow, pp. 49–50 (in Russ.).

Krongauz, M.A., 2023. Semantic and pragmatic transformations of the Russian word Matushka ‘Mother’. *Russian language abroad*, 5, pp. 48–56, <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.007> (in Russ.).

Krongauz, M.A., Klokova, K.S., Shulginov, V.A. and Yudina, T.A., 2023. Semantic transformation of the noun mamochka: from ‘wife’ to ‘cannon’. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4), pp. 105 – 124, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-6> (in Russ.).

Lakoff, J., 2004. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thinking]. Moscow (in Russ.).

Morkovkin, V.V., Bogachyova, G.F. and Lutskaya, N.M., 2016. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [Big Universal Dictionary of the Russian Language]. Moscow (in Russ.).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 4 January 2024] (in Russ.).

Ozhegov, S.I. and Shvedova, N. Yu., 1997. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow (in Russ.).

Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 t. [Dictionary of Russian Academy: in 6 volumes]. 1789–1794. Vol. 1–6. St. Petersburg (in Russ.).

Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk: v 4 t. [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences: in 4 vols.]. 1847. St. Petersburg (in Russ.).

Sorokin, U.S., 1992–2001. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 7–19. St. Petersburg (in Russ.).

Sternin, I.A., 1996. *Russkii rechevoi etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh, 125 p. (in Russ.).

Ushakov, D.N., ed., 1940. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

The authors

Dr hab. Maksim A. Krongauz, Professor, Chief Research Fellow, Pushkin State Institute of Russian Language, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-2956-0565

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Ksenia S. Klokova, Junior Research Fellow, Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-6650-1946

E-mail: klokova.ks@mipt.ru

Dr Valery A. Shulginov, Senior Research Fellow, Pushkin State Institute of Russian Language, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-2217-3677

E-mail: vshulginov@hse.ru

Tatiana A. Yudina, Junior Research Fellow, Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6631-2128

E-mail: yudina.tatiana.a@mipt.ru

To cite this article:

Krongauz, M. A., Klokova, K. S., Shulginov, V. A., Yudina, T. A., 2024, 'Mother', 'wife' and 'friend': semantics and pragmatics of an address, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 3, pp. 172–189. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-10.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))